

Автоматическая межпланетная станция достигнет района планеты Венера во второй половине мая 1961 года.



Первая ласточка

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

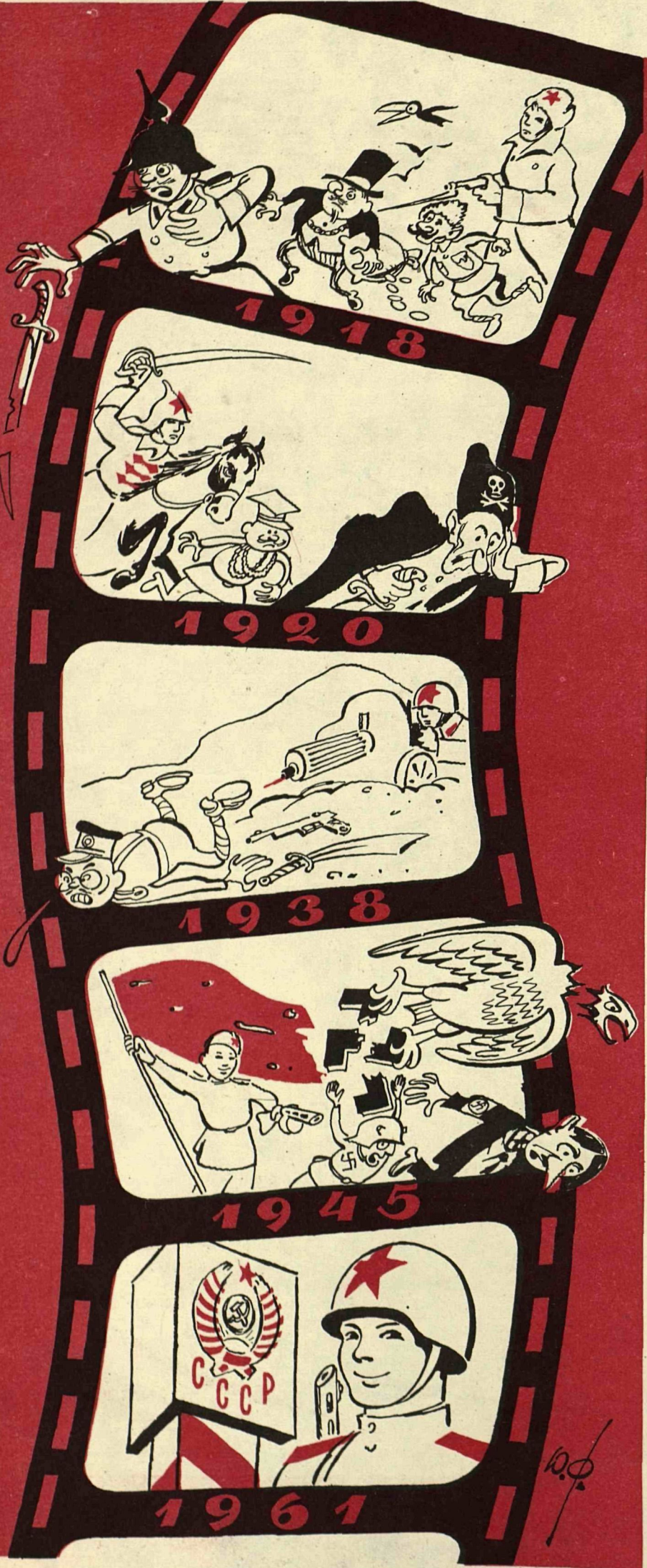
КРОКОДИЛ

№ 5 (1619)

год издания 39-й

20 февраля 1961

ПРАВАНВАЯ



ДЕЛО было к вечеру, делать было нечего. Сидели в избе у Лукерьи Гуменковой, лихой бабенки, гости: некто Ловкачев Григорий Иванович и Погуляев Анисим Петрович — оба из колхозного начальства.

На столе — полное материальное благополучие: свинина жареная, свинина тушеная, свинина вареная, огурцы соленные, капуста квашеная, пироги толщиной в руку. Ну и, само собой разумеется, жбан первача из сахарной свеклы: поднесешь спичку — польхает лазоревым огоньком. И дух соответственно пронзительный распространяется. Одним словом, большая химия, собственноручный домашний «продукт».

Сидят, значит, Ловкачев и Погуляев у Лукерьи, выпивают, закусьвают, поглядывают, как хозяйка суетится у стола, трясет пышными телесами, и вдруг слышат: кто-то в дверь скребется. Тихонько этак, но настойчиво.

Погуляев говорит:

— Кума, кто-то вроде пришел к тебе. Посмотри-ка!

Лукерья прислушалась: и впрямь кто-то возится под дверью. Говорит:

— Наверное, кошка явилась с прогулки. Не обращайтесь внимания, дорогие гости, на эту шалаву. Кушайте и пейте спокойно, я меры приняла, никто нас не должен побеспокоить!

Только сказала — кошка с печки: «Мяу!» Дескать, не валите на меня, я давно дома.

Тогда Григорий Иванович Ловкачев, мужественный товарищ, встает, подходит к двери — и одним рывком настезь. И — что вы думаете — входит в избу баран. Шерсть висит клочьями, на боках и на заду совсем вылезла, а морда худая, вытянутая, как у борзой собаки, и в глазах неестественный блеск.

Вошел и смотрит на колхозное начальство, как на новые ворота. Гости и хозяйка замерли: уж больно страховиден был вошедший баран!

Ловкачев первый справился с собой, спрашивает у Лукерьи:

— Это ваше животное, Лукерья Филипповна?

Лукерья, стуча зубами, отвечает:

— Не наше. Его, наверное, собаки сюда загнали!

И вдруг — хотите верьте, хотите нет! — вошедший баран этаким дребезжащим, довольно противным человеческим тенорком объявляет:

— Нет, меня не собаки сюда загнали, я к вам, пропойцам, самолично явился.

Боже ты мой милостивый, что тут поднялось в Лукерьиной избе! Ловкачев на лавку грохнулся, ноги вытянул, сидит с выпученными глазами, смотрит на говорящего барана и по-бараньи блеет ему в ответ:

— Бе-бе... бя-бя!..

Погуляев с куском пирога в руке под стол нырнул.

А Лукерьюшка, бедняжка, схватила жбан с первачом со стола, прижала его к груди, как малое дитя, кланяется со слезами:

— Святой крест, товарищ Баранов, для себя сварила, не для продажи. По случаю дня ангела. Не погубите, товарищ Баранов!

А вошедший баран топнул ногой и продолжает человеческим голосом:

— Слушайте меня, начальники, и не перебивайте, а то всех до одного затопчу, забодая! Я хоть и бессловесное создание, но вы меня до того довели, что даже я заговорил. Сил моих больше нет терпеть ваше нахальное надувательство. Ведь все ваши овцы — мои товарки — давно уже на том свете на небесных пастбищах пасутся, а вы в ваших отчетных бумагах до сих пор пишете, что у колхоза есть овцеводческая ферма. И идут те бумаги в район, а из района в область и так далее. А какая же у вас ферма, волк вас заешь, когда овец-то на ней всего парочка: я да моя ненаглядная ярочка Машка? И та час назад преставилась. Остался я один, горький вдовец, остылая головешка со штатом в две обслуживающие меня человеко-единицы: заведующий фермой и чабан!

Тут вошедший баран сделал передышку. А Ловкачев с лавки хрипит:

Бывает слава долговечная, прочная, заслуженная. А бывает, что слава лопается, как... Впрочем, об этом читайте фельетон «Мыльный пузырь» на стр. 6—7.

Сказка

Вместо того, чтобы всячески развешивать жилищное строительство, некоторые руководители увлекаются восстановлением старых замков, к стати особой исторической ценности не имеющих.

— Погуляев, бродяга, вот до чего ты ферму довел: подотчетные бараны и те позволяют себе критиковать колхозное руководство!

Погуляев ему из-под стола: — Это сверхъестественный случай! Я за сверхъестественное не отвечаю!

А вошедший баран опять ногой тук, глазами сверкнул, рогами повел и говорит:

— Хотел я сначала сбежать от вас, от подлецов, к вашим соседям. Там, говорят, овцам привольно живется на колхозной ферме. Но потом хорошо все обдумал и принял другое непоколебимое решение. Я решил покончить свою постыльную жизнь самоубийством. И произведу это ужасное действие сейчас, здесь, на ваших подлых глазах. Может быть, тогда в ваших душонках проснется совесть и вы перестанете писать надувательские бумаги в район, а район самотеком в область, а область выше и так далее. Когда ни одной животины на вашей ферме не останется, придется вам, хочешь не хочешь, правду сказать.

Сказал все это вошедший баран и ужасно грозно Лукерья приказывает:

— Ну-ка, плесни мне в миску своего окаянного «продукта».

Лукерья трясущимися руками берет со стола свободную мисочку, наливает туда из жбана своего пронзительного первача, ставит на пол перед бараном. А потом подцепила на вилку опурчик и говорит умильно:

— А это вам закусить, товарищ Баранов!

Вошедший баран как фыркнет на нее:

— Пошла прочь, дуреха! Самоубийцы яды без закуски принимают! Голову на плечах надо иметь!

Испил, повалился на пол, дрыгнул бедняжка задними ножками разика два и богу своему овечьему отдал душу.

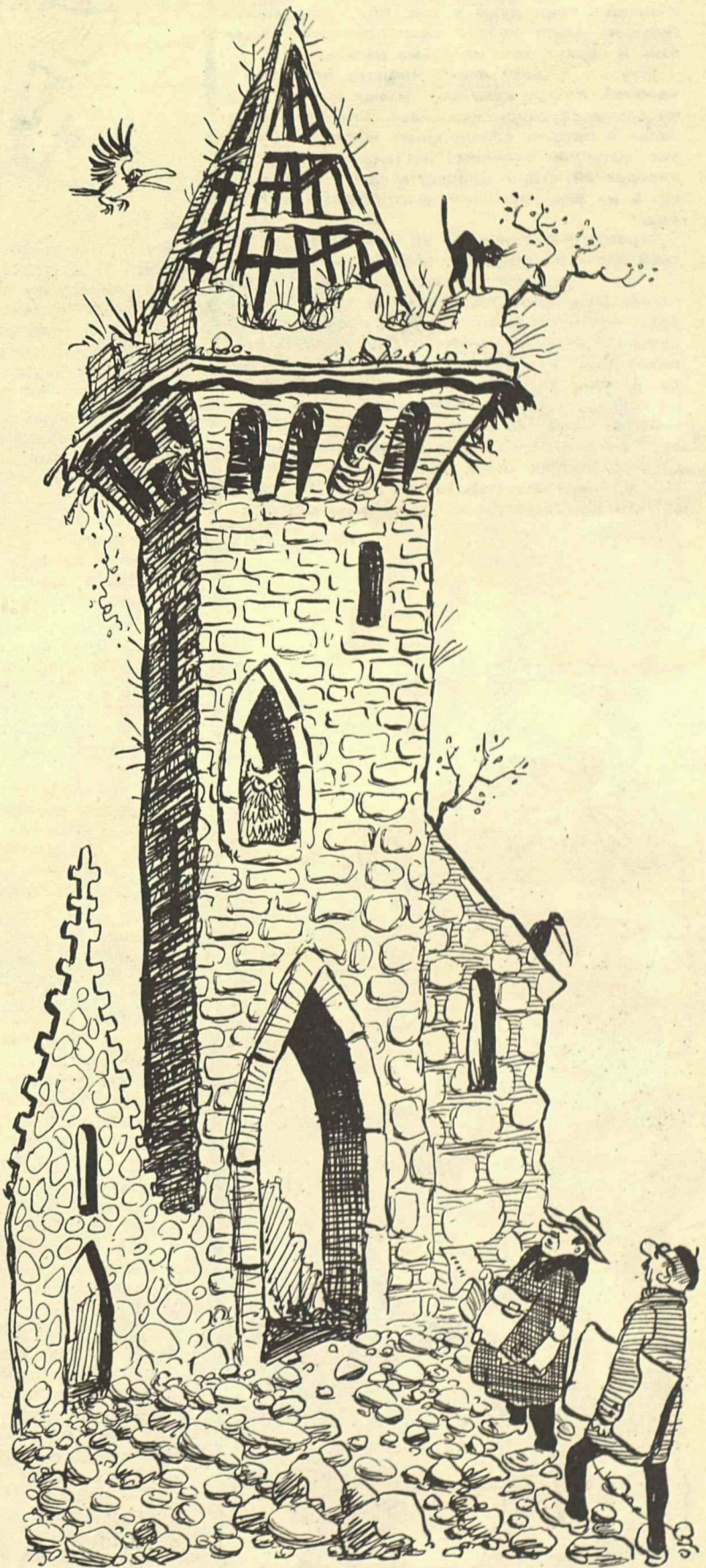
...Мне про этот сверхъестественный случай Лукерья кошечка рассказала. Свидетель непререкаемо верный! Но она в избе находилась лишь до той самой роковой минуты, когда вошедший баран начал с целью самоубийства самогон пить. Тут

она со страху на нервной почве выскочила во двор — дверь-то была открыта! — и вернулась в избу только под утро, когда ни барана, ни Лукерьиных гостей уже не было. Только дух стоял тяжелый.

Что в избе происходило после кончины барана, я точно не знаю. Есть такой слухок, будто Ловкачев и Погуляев покончившего с собой честного барана, ободрав, тут же сварили и съели. Под эту знаменитую закуску выпит был ими якобы еще один жбан первача из сахарной свеклы, поскольку на их лужежные желудки Лукерья яд по причине частого употребления давно перестал действовать. И надувательские бумаги будто бы продолжали еще некоторое время поступать в район, а из района в область и так далее. А другие говорят, будто Ловкачев и Погуляев утром, опохмелившись, поехали куда надо и там покаяться в своем очковитательстве.

Чего не знаю, того не знаю. А в остальном все правда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Иной Фома неверующий скажет: «Пишете «правдивая сказка», а сами вон чего наплели! Да где это видано, чтобы баран разговаривал да еще кончал с собой при помощи самогона? Где автор такой самогон обнаружил?» В сказке, товарищ Фома, в сказке, дорогой мой человек. А что сказка наша правдивая в основе своей, это, кроме Лукерьиной кошки, может подтвердить редактор белгородской районной газеты «Колхозное слово» тов. Губарев В. М. «В колхозе «Красный Октябрь», — пишет он Крокодилу, — полностью была ликвидирована овцеферма. Но для того, чтобы не говорили, что в колхозе нет овцефермы, оставили две овцы, чтобы название овцефермы сохранить и иметь зав. фермой и чабана». Этот факт привел в своем докладе на районной партийной конференции секретарь райкома партии тов. Ситников. Тут же, на конференции, выяснилось, что и эти последние две овцы окозели. Вот и получается, что автор для своей сказки взял факты из жизни. А что баран заговорил, так ведь тут не то что баран, тут камни и те заговорят.



— Эта старина совсем развалилась...
— Ничего, два жилых дома из плана исключим, и будет, как новенькая!

ХОРОШИЕ ВЕСТИ

Недавно Крокодил получил весточку от своих подшефных из Рудного. И сразу пришел в отличное расположение духа. Широким шагом вступают рудненцы в третий год семилетки! Строители досрочно выполнили прошлогодний план. Вместе с горняками сдали в эксплуатацию Сарбайский рудник мощностью полтора миллиона тонн руды в год. Получили свыше семисот тысяч рублей сверхплановой экономии. В перерасчете на новые деньги.

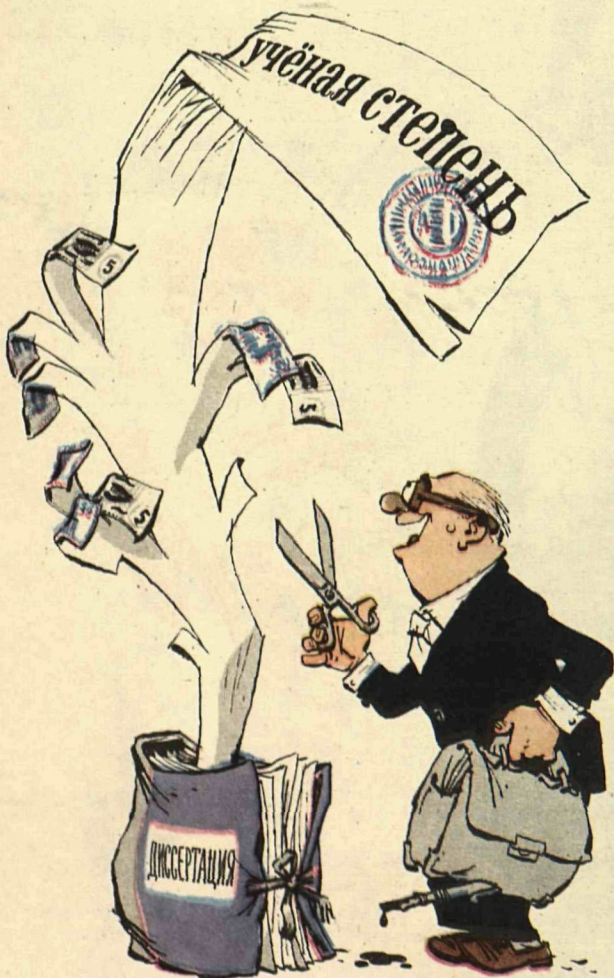
Жить в Рудном стало намного приятней и удобней. Растут кварталы жилых домов. Тысячи семей справили новоселье. Справили новоселье и пятьсот самых юных жителей города: они получили отличные детсады и ясли. Разнообразней стали маршруты домашних хозяек: в их распоряжении девять новых магазинов.

Строители и горняки с удовольствием встретили весть об открытии двух новых столовых и о том, что свою первую продукцию выдал городской хлебозавод. Остается только пожелать: пусть столовые радуют рудненцев разнообразным меню, а хлебозавод — аппетитно пахнущими булками с румяной корочкой. Тогда, разумеется, работникам этих предприятий не потребуются жалобная книга.

По вечерам загораются огни у подъезда открытого в городе широкоэкранный кинотеатра. Любители кино спешат посмотреть новые фильмы. Остается только пожелать, чтобы фильмы действительно были новыми.

КРОКОДИЛ

Рисунок Е. МИГУНОВА.



Единственный плод одной научной работы.



ТРИСТА БЛИЗНЕЦОВ

Вы глубоко ошибаетесь, полагая, что характеристики пишут только завья, замы и начканцы.

Многие ведущие писатели, в том числе весьма талантливые классики, пробовали свои силы в этом жанре. Чтоб далеко не ходить, возьмем, к примеру, Л. Толстого и А. Островского. Они не покладая рук давали письменные характеристики героям и героиням своих пьес.

Тане в «Плодах просвещения» Л. Н. Толстой выдал положительную характеристику, но отметил, что она хотя и хороша, но не без изъяна: «Таня, горничная, лет 19-ти, энергичная, сильная, веселая и быстро изменяющая настроение девушка. В минуты сильного возбуждения радостно взвизгивает».

В пьесе А. Н. Островского «Воспитанница» есть мальчик Гриша. Драматург охарактеризовал его не совсем лестно:

«Гриша, мальчик лет 19, любимец барыни, одет франтом, часы с золотой цепочкой. Красив, волосы кудрявые, выражение лица глупое».

Я изучил всех действующих лиц в пьесах Л. Н. Толстого. Никто, кроме Тани, не взвизгивает в минуты сильного возбуждения.

В комедиях Островского — десятки персонажей, но только о Грише сказано, что он кудрявый и выражение лица глупое.

Канцелярские авторы характеристик в большинстве своем чураются разнообразия. На их взгляд, человек — это не человек, а копия. Все взвизгивают, все поголовно кудрявые, и у всех выражение лица одинаковое.

Перед нами 300 характеристик, выданных разными людям разными канцеляриями.

Из них 147 документов как будто написаны одной холодной рукой, продиктованы одним невзыскательным умом:

«За время работы проявил себя дисциплинированным и исполнительным, административных взысканий не имеет. Принимает активное участие в общественной жизни».

А еще 147 характеристик оснащены тем же взволнованным текстом, но без упоминания об общественной работе.

Итак, 294 (из 300!) выглядят близнецами. А остальные 6 отнесем к «оригинальным». Они изготовляются для того, чтобы себя потешить и других позабавить.

В свое время заведующий финансовым отделом одного из районов Вологодской области выдал налоговому агенту К. такую красивую бумажку:

«Опытом своей работы делиться не может, да и нечем... Имеют место случаи смешивания своей и государственной кассы... Принципиален. Должности налогового агента соответствует».

Заведующий одной из шахт треста «Свердловуголь» охарактеризовал с приложением печати своего сотрудника так:

«Работать умеет. Пьянствует систематически. Работу участка обеспечит».

А вот совсем новенькая, свеженькая справка, недавно выданная гр. Г. для представления в нарсуд 7-го участка Рижского района г. Москвы:

«Г. проявил себя дисциплинированным и исполнительным работником. К работе относится добросовестно. Часто прогуливает без уважительных причин».

Надо не уважать себя, свою работу, надо презирать и тех, на кого пишутся подобные характе-

ристики, и тех, кому предназначено их читать, чтоб заниматься этакой порчей писчей бумаги.

Мы имеем в виду не только несколько несуразных бумажек, а все 300 характеристик-близнецов. Имеем в виду эту неистовую порчу бумаги.

Не страшно впасть в тривиальность, скажу, что характеристика для многих — это путевка в жизнь, вид на правильное жительство, аттестат зрелости.

В этом документе должно быть сказано, чем Икс отличается, чем он богат и славен или, наоборот, какие непривлекательные черты своего поведения он должен изжить, зачеркнуть.

Этот документ должен стать страницей в биографии Икса.

Но сухарь-чиновник не чувствует ответственности перед Иксом. Написал, подписал — и из головы вон.

Давайте более близко познакомимся с некоторыми гражданами, кои очастливлены таким чернильным вниманием.

Токарь Аркадий П. Молодой, отличный работник, настойчивый, исполнительный. Член редколлегии стенной газеты цеха. Выполняет множество комсомольских поручений. Правильно сделали секретарь парткома завода Виноградов и профорг Смирнов, отметившие в его характеристике, что он «принимает активное участие в общественной жизни». Но почему об этом сказано сухими, серыми словами? Как отличить его от тех, которые плохо работают и, ровно черт ладана, чураются общественной жизни?

И вообще, пусть не зазнается комсомолец Аркадий П. Точно такую же характеристику, как у него, мы обнаружили в уголовном деле Калинкина, начальника отдела снабжения одного из управлений Киевского ремстройтреста г. Москвы. Начальник управления т. Рыльцев удостоверяет, что Калинкин — краса и гордость ремстройтреста и, кроме всего прочего, «принимает активное участие в общественной жизни». В то же самое время тот же высокопринципальный Рыльцев, позабыв о собственном словотворчестве, подписал приказ об увольнении Калинкина за систематические пьянки и прогулы. В то же самое время ранее судимый Калинкин вновь предается суду по обвинению в обчете покупателей.

Ухмыляется Калинкин, читая свою ничем не омраченную характеристику. Смеется и Сальников с трансформаторного завода. Несколько лет назад он был осужден по уголовному делу. Досрочно освобожден. А недавно украл у товарища часы. Его должны судить. Но он идет в суд с гордо поднятой бумажкой, как будто совершил какой-то подвиг. Ведь в характеристике, выданной ему, сказано... то же самое, что в остальных тысячах таких же бумажек. Дисциплинирован, активен и вообще свят муж, пеленой обтереть да в рай пустить.

Токарь Аркадий, ознакомившись с приведенными в фельетоне фактами, может вознегодовать:

— К чему мне эта характеристика, повторяющая слово в слово то, что написано и о пьянице, и о спекулянте, и о воре? Меня обижает такая бессовестная бумажка. Мне она не нужна!

Никому она не нужна! Никому!

Вот о чем надо серьезно подумать тем, кому предоставлено право давать характеристики советским людям.

Г. РЫКЛИН

Ничего не понимаю...

Мои родные и друзья считают меня человеком неглупым и способным кое в чем разобраться. Сам же я с некоторых пор стал сомневаться в своих способностях. С тех самых пор, как случайно встретил в пригородном поезде Петра Петровича.

Петр Петрович сразу атаковал меня со всех флангов артиллерийским огнем вопросов и восклицаний. Не дав мне рта раскрыть, он затараторил, что работает на прежнем месте, только сейчас все осложнилось, не то, что несколько лет назад.

— Жил и не тужил. А тут — на тебе, Большая Москва. И все пошло кувырком...

— Большая Москва — это очень хорошо. Какие масштабы! — заметил я.

Но Петр Петрович замахал руками:

— Сразу видать — чернильная душа. Ничего ты не понимаешь! Сидел я себе в конторе областного значения на Дорогомилово-Тишинском и в ус не дул. Все чин чинарем. Директор. У директора два зама: Главный бухгалтер. У него тоже два зама. И прочий служилый люд. Всего шестьдесят единиц. И база на нашем попечении в Бескудникове, под Москвой. На солидную ногу все было поставлено. И вдруг все пошло на смарку. Бескудниково отошло к Большой Москве. Была у нас база — и не стало базы. В городской совнархоз перешла. А мы, повторяю, организация областного значения.

— И тут, должно быть, встал вопрос о ликвидации вашей конторы? Так я понял?..

— Ничего ты не понял! В областном совнархозе учли наше незавидное положение и передали нам базу в Орехово-Зуево.

— Понял, понял! Ореховская база, выходит, была беспризорной, и ей наконец нашли рачительного хозяина... Так, что ли?

— Никакая она не беспризорная: у нас и у нее один хозяин. И мы и база подчиняемся Уэмтесису.

— Кому, кому?

— Какой ты непонятливый! Уэмтесису — управлению материально-технического снабжения и сбыта Московского областного совнархоза. Вот этот самый Уэмтесис распорядился и нашей конторой и базой в Орехово-Зуево. Он выдавал наряды, а база отпускала товар. Когда же бескудниковская база — фюйт! — приказала долго жить, к нам прикрепили ореховскую базу.

— Выходит, ваш Уэмтесис принес себя в жертву. Лишил себя большого участка работы?

— Опять двадцать пять! Ничего ты не понял! Уэмтесис как был при своих правах, так и остался. Нужен, к примеру, тебе товар, приезжай, пожалуйста, как и раньше, в Уэмтесис на Миусскую, 3, получи наряд, а затем катая к нам, на Дорогомилово-Тишинский, 27, оформляй накладную. и

преспokoйненно езжай за товаром в Орехово-Зуево.

— Но раньше все прекрасно обходились без вашей конторы!

— Мало ли что было раньше! Понимать надо! На ореховской базе — восемь складов. В нашей конторе — восемь отделов. В каждом отделе по шесть оперативных работников. Руководить складами надо? Надо! И наши оперативники не щадя живота руководят. Мы государственный хлеб даром не едим. Трудимся по мере сил. Оправдываем...

— Не возражаю, оправдываете. Но скажи

мне — может, я ошибаюсь, — что изменилось бы, если бы вашу контору того... ликвидировали?

— Подумайте только, битый час толкую ему, что к чему, а он взял да какую-то ликвидацию придумал. Ликвидировать легче всего. А ты, мил человек, сумей доказать свою жизнеспособность в трудных условиях сегодняшнего дня. Эх, эх, голова садовая!..

Небрежно попрощавшись, он сошел на остановку и умчался по своим неотложным делам, оставив меня в полном недоумении.

Я, честно говоря, так ничего и не понял...

Е. ВЕСЕНИН

Рисунок Ю. СМЕРНОВА.



Посадили начальника...

и выросло бюрократическое дерево.



КВОЧКОВТИРАТЕЛЬ



ТО такое слава? На этот счет имеются различные суждения. Так, известно мнение, что слава — всего-навсего «яркая заплата на ветхом рубище певца».

В противоположность столь небрежному отношению к славе некоторые придают этой почетной категории, на наш взгляд, преувеличенное значение. Слава, по их мнению, не только яркая заплата. Это нечто более значительное: благосклонные взоры начальства, премиальные бесплатные путевки на юг и портреты в газетах. Короче, слава может быть очень приятной и, если хотите, очень доходной штукой.

Видимо, именно эти мысли витали в головах руководителей «Мосгалантерей», когда они собрались на свое историческое заседание.

— Счастливые люди шахтеры! — вздохнув, сказала директор торгова О. Бакалеева. — У них есть герой труда Николай Мамай.

— А у механизаторов — Мануковский, — вторил ей секретарь партбюро П. Ишекков.

— Я, — дрожащим голосом произнесла О. Бакалеева, — отдала бы год жизни за то, чтобы в торговле родилась своя Гаганова!

— А что, если нам взять да поискать? — глубокомысленно заметил секретарь партбюро торгова П. Ишекков. — А вдруг кто-нибудь найдется?

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

— Если инициатора почина в торговле еще нет, его нужно придумать! — веско заметил начальник отдела кадров торгова В. Коноплев.

После короткого обсуждения все согласились с тем, что инициатору торговле очень нужен. Наличие в «Мосгалантерее» такой яркой фигуры поможет организации вырваться вперед и обойти на полкорпуса другие торговле. А руководители торгова, воспитавшие свою героиню, тоже не останутся без внимания. Отблески славы от новой торговой звезды упадут и на их неприметные фигуры.

И здесь выяснилось, что звезду, собственно говоря, не нужно искать. Звезда есть. Более того, она пришла сама и положила заявление на стол:

«Прошу перевести меня из передового магазина № 42 в отстающий магазин № 38. Обязуюсь подтянуть его до уровня передового. Елизавета Арефьева, директор магазина № 42».

Руководители прослезились. Арефьева была с поклоном препровождена в магазин № 38.

На торговой колокольне поднялся страшный звон. Изо всех сил дергала за веревку самого большого колокола директор торгова О. Бакалеева. Рядом с ней подпрыгивали и тужились дру-

гие звонари. На неизвестную доселе фигуру Арефьевой опрокидывались целые бочки елея.

— Она просто удивительная, на редкость самоотверженная! — восхищался И. Малокашер, автор очерка в газете «Советская торговля». — Такую труженицу надо еще поискать!

Одного очерка в «Советской торговле» показалось до обидного мало. Эстафету славословия подхватил журнал «Советская торговля». Подвигом Е. Арефьевой вдохновился Мих. Щелоков. Он заполнил пять страниц журнала такой липкой патокой, что читателю с нормальными физическими данными с трудом удавалось выбраться из нее.

«...Директор торгова Ольга Григорьевна Бакалеева слушает их внимательно и еще раз перечитывает заявление Арефьевой.

— А знаешь, Елизавета, магазин ты выбрала трудный.

— Знаю... В легкий не стоило бы идти.

— В глубоком прорыве магазин, — говорит секретарь партбюро торгова Петр Фролович Ишекков. — Обстановка там сложная. Ты все взвесила?

— Да! Потому и прошу перевести меня туда, — твердо отвечает она. — И трудно будет и прогрессивки лишусь, знаю. Может, не все одобряют мой шаг,

может, неприветливо встретят меня на новом месте — не беда. Все это временно».

И так пять страниц. Но и этого показалось мало. Чтобы воспеть подвиг Е. Арефьевой, уже требовались крупные полотно. Свои услуги Госторгиздату предложили Б. Александров и Б. Людсков. Авторы были готовы написать про Арефьеву произведение, превосходящее объемом «Войну и мир», но поскользку им не дали бумаги, смирились и сочинили брошюру под названием «Пример Елизаветы Арефьевой».

Даже Крокодил, сбитый с толку поднятым вокруг Арефьевой шумом, однажды лестно упомянул о ней на своих страницах.

Галантерейные вожди спорили из-за чести, кто открыл торговую звезду.

— Это я, я, я! — уверяла О. Бакалеева.

— Ну, положим, и у меня в этом деле есть заслуги, — скромно вставил П. Ишекков.

— А меня, значит, отшить хотите? — обиделся В. Коноплев.

Начав, уже трудно было остановиться. Славной труженице прилавка, которая отстающий магазин вывела в передовой, вручили переходящее красное знамя Министерства торговли РСФСР. Ее выдвинули в руководящие органы профсоюза работников торговли.

Ну, чем бы еще увековечить подвиг? И руководители торгова представили Арефьеву к ордену.

Пока с торговой колокольни неся трезвон, в магазин № 38, которым руководила овеванная славой Арефьева, тихо вошли два ревизора. Они сняли пальто и деловито приступили к инвентаризации. Ревизоры оказались нечуткими, бестактными людьми. Они без всякого уважения отнеслись к фирмиаму, аромат которого ни днем, ни ночью не выветривался из магазина. Напрасно Арефьева вместо накладных подсовывала брошюру со своими портретами и автографами. Ревизорам нужны были цифры. А с цифрами в магазине было плохо. Из рук вон плохо!

Выяснилось, что в тот период, который был отмечен громом литавр, премиальными и переходящим красным знаменем, магазином... со скритом выполнял план на каких-нибудь семьдесят процентов. Тогда руководители торгова, интуитивно чувствуя, что инициатор почина из Арефьевой может не получиться, резанули план чуть ли не наполовину. Эта нехитрая махинация и дала Арефьевой возможность достигнуть желанных ста процентов с хвостиком. Именно благодаря этой несложной операции над головой торговой звезды засветился золотистый нимб славы.

Любопытные ревизоры обнаружили, что выдающийся мастер прилавка был не менее выдающимся мастером растрат. Ибо в магазине № 38 не хватало товаров на кругленькую сумму — в 40 тысяч рублей (старыми деньгами)!

Словом, наспех слепленный монумент Арефьевой дал страшную трещину и разваливался на куски. Оказалось, что Арефьева ушла из магазина № 42 не столько потому, что ее воодушевлял подвиг Валентины Гагановой, сколько потому, что ее

пугала... растрата. После ухода Арефьевой из передового магазина там не хватало... 26 тысяч рублей. Эту брешь в сейфе она пыталась залатать путем приписки. Для дорисовки образа Арефьевой остается добавить только одно. Во всех своих многочисленных интервью она заявляла, что, переходя в отстающий магазин, якобы теряет в зарплате. Смотрите, дескать, какая я благородная, передовая! Даже прогрессивки не боюсь лишиться! Автор фельетона уполномочен заявить, что в действительности ее зарплата в магазине № 38 была выше.

Убедившись, что монумент Арефьевой уже нельзя склеить, руководители торгова оставили колокола в покое и начали лихорадочно листать акты. При этом они делали невинные глаза и всячески отмежевывались от своей любимицы.

О. Бакалеева говорила: — Я выдвигала Арефьеву? Простите, кто это такая Арефьева? У меня, как вы знаете, магазинов много, всех не упоминишь!

— А мой отдел кадров с края! — уверял, кротко прижимая руки к груди, тов. Коноплев.

— Что же касается меня, — подытожил секретарь партийного бюро Ишекков, — то я к этому возмутительному очковтирательству не имею ни малейшего отношения. Какое безобразие!

Не дождаввшись, пока подчиненный ему торг расклебает кашу, за дело взялся начальник управления торговли промтоварами тов. Калмыков. Раньше он не обращал внимания на десятки сигналов о том, что успехи Арефьевой — сплошная липа. Но теперь молчать было нельзя. Надо было наказывать, воспитывать, исправлять. Но кого? Кто-то должен платить за раз-

битые горшки? И в козлы отпущения попали подчиненные Арефьевой. Их уволили из торговли как не заслуживающих доверия. А Арефьева отделалась легким испугом: ее перевели на рядовую работу.

Административные громы и молнии миновали зачинщиков всей этой шумихи: О. Бакалееву, П. Ишеккова, В. Коноплева. А ведь Арефьева была лишь игрушкой в руках этих не в меру честолюбивых руководителей торгова, которые хотели на очковтирательстве нажить моральный капитал.

— Это как же понять? — слышу я укоризненный голос. — Вы против починив, против начинаний, значит?

Нет, мы за починив, за все другие благородные начинания. Мы бы хотели, чтобы за прилавком наших магазинов повсюду работали энтузиасты, взаимно вежливые с покупателем и трогательно заботливые по отношению к плану. Такие люди в торговле есть. Их немало. И если бы ту энергию, которую О. Бакалеева и компания потратили на пустой трезвон, они обратили на помощь действительно хорошим работникам и на распространение их опыта, то это наверняка принесло бы пользу.

Но в том-то и дело, что руководители торгова и его общественных организаций, вместо того чтобы организовать настоящее, подлинное соревнование, решили устроить эффектный фейерверк. Ведь куда легче пускать бенгальские огни или раздувать мыльные пузыри, чем заниматься кропотливым делом!

Да, слава — это, конечно, не только яркая заплатка, это стоящая штука. Но она идет только тому человеку, который заработал ее честным трудом.

В. ТИТОВ

ОТДОЯ

о «героях»
в алфавитном
порядке



ИЖДИВЕНЕЦ



КЛЯЗНИК



ЛОДЫРЬ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

— Кого как, а меня устраивают папашины средства.



Многодневные гонки лжецов

Тур де брех

Врисистые испытания

Внимание, внимание! Сегодня наш микрофон установлен на ипподроме, где происходят врисистые испытания на приз «Тур де брех». Мы забыли сообщить, что гонщики пересели с велосипедов на лошадей. Признаемся честно, что репортаж вести нелегко, поскольку все лошади одной масти — антисоветской.

Со старта вырвался вперед наездник Демарест Петерсон на скакуне Сивый мерин. Взяв любимого конька в шенкеля, Петерсон запросто преодолевает препятствие, которое называется «Здравый смысл». С той же грацией Сивый мерин, понукаемый опытной рукой Петерсона, берет барьер, на котором начертано: «Истина». Не удивительно, что Петерсон первым заканчивает этап и протягивает ожидающему его партнеру странно-го вида эстафетную палочку. Ба, да это, оказывается, не палочка, а свернутый в трубку американский журнал «Америкен меркюри» со статьей самого Петерсона о Советском Союзе!

«В СССР я узнал из нескольких источников, — пишет Демарест Петерсон, — что членам компартии, насчитывающей 5% всего населения Советского Союза, выдаются специальные библиотечные карточки, дающие им право доступа к книгам, периодическим изданиям и газетам, недоступным массам».

Ну и галоп, ну и прыть! Так и кажется, что эти строки вышли не из-под пера Петерсона, а из-под копыта Сивого мерина. Воздух оглашается торжествующим ржанием и криками потрясенных болельщиков. Они живо представляют себе такую картину:

Москва, Библиотека имени В. И. Ленина. У входа — гигантская толпа беспартийных. Они переминаются с ноги на ногу. Их не пускают. У них нет карточек. Мимо, горделиво помахивая карточками, в библиотеку проходят партийные. В окна видно, как они углубляются в чтение газеты «Советский спорт» и журнала «Вокруг света». Из тысяч беспартийных уст вырывается стон зависти.

Нет, не зря мистер Демарест Петерсон победил на четвертом этапе гонки лжецов. Заслуженная победа!

Вел репортаж
Олег ВАСИЛЬЕВ.

ПАМФЛЕТ

ПРИМЕРЯЯ ГЕНЕРАЛЬСКИЙ



НАКАНУНЕ полковник Мобуту по обыкновению основательно выпил. И вдруг утром, нате вам, чуть свет стучат:

- Проснитесь, ваше превосходительство!
- Пшли к черту!.. Поспать не дадут!..
- Приятная новость, ваше превосходительство!

— Я же сказал... И не валяйте дурака, я еще не превосходительство!

— Самое настоящее. С сего числа вы генерал-майор. Принесли распоряжение господина Касавубу. Принимая во внимание ваши заслуги по предательству... извините, по наведению порядка, вам присвоено высокое военное звание. Портной ждет. С новым парадным мундиром и головным убором. Прикажете допустить?

Новоиспеченный генерал, довольно крикнув, спустил с ложа босые ноги.

— Молодец Касавубу! Соображает, с кем имеет дело. Сдержал слово. Сидели мы тут с ним, решали разные государственные дела, а я ему и говорю: «Долго я в полковниках ходить буду? Скоро полгода, как я полковник, и никакого продвижения! Нехорошо! С такими темпами я до фельдмаршала за два года не дотяну. А мне, сам понимаешь, некогда, торопиться надо». Где портной? Позвать! Чтобы к вечеру мундир был во всем блеске! Поеду к одной девочке. Пусть чувствует, к кому допущена...

— Репортер еще просится, ваше превосходительство. Хочет получить исчерпывающее интервью. Допустить?

— Давай!

...Портной, стоя на коленях, одергивал штанину. Репортер задавал вопросы:

- Год рождения, ваше превосходительство?
- Тысяча девятьсот тридцатый.
- Место рождения?

- Город Лисала.
- Ваше образование?
- Просил бы нескромных вопросов не задавать!
- Останется между нами.
- Тогда скажу. Окончил школу в городе Кокилятвиле. Откровенно говоря, как я ее кончил, и сам не знаю. Потом учился в военной школе...
- В пехотной?
- Нет.
- В артиллерийской?
- Нет.
- В кавалерийской?
- Нет... В этой, как ее?.. В школе каптенармусов. Приход-расход. Съедено-выпито. Хорошее было время!

— Ваши политические убеждения?

— Дурак! Перестань колотить меня иголками... Извините, это я портному. О чем вы спрашивали?

— Ваши политические убеждения?

— Я же сказал тебе, идиот, перестань меня колотить! Извините, это я опять портному... Кстати, не могли бы вы мне порекомендовать хорошего закрыщика? Так о чем вы?

— Ваши политические убеждения?

— Сколько раз тебе говорить, болван! Убери свои иголки! Вы, кажется, спросили, бывал ли я в Бельгии? Не один раз. В 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе представлял конголезскую прессу. Что? Вы не понимаете, почему я, каптенармус, представлял прессу? Я был редактором отдела новостей газеты «Актуалитэ африкэн». Сколько времени я был редактором? Это неважно, важно, что был... Одним словом, я представлял прессу. Что вы спросили? Слухи о моей связи с бель-

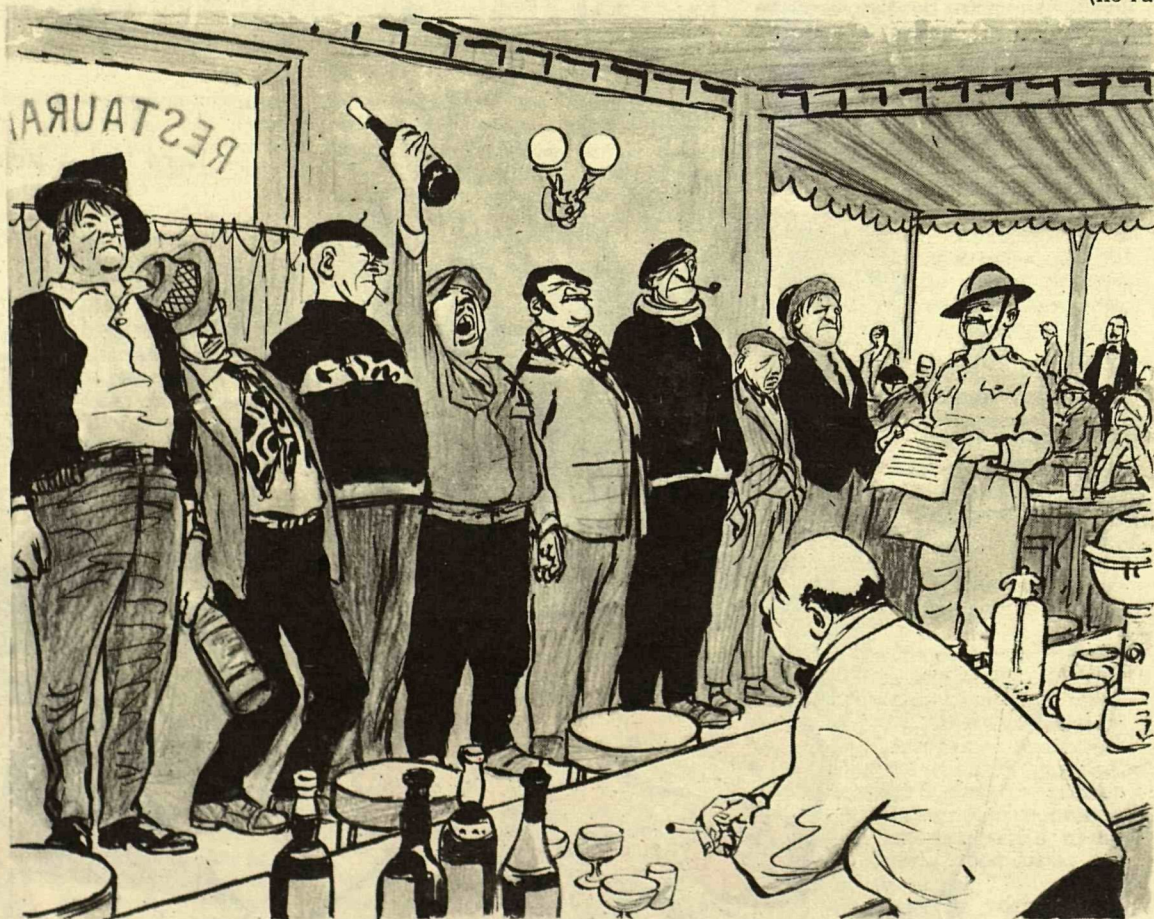


Рисунок И. СЕМЕНОВА.

НА МОКРОЕ ДЕЛО

В кабаках Западной Европы и Африки колонизаторы проводят вербовку наемных убийц в «добровольческую армию Чомбе» для нового похода против законного правительства Конго.

(Из газет).



— У стойки «смирно!»

МУНДИР...



гийской охранкой? Насколько они верны? Эй, ты, слышишь! Говорю тебе в последний раз, осторожнее орудуй булавками! Что я тебе, манекен? О чем вы спрашивали? Что я делал в Бельгии в последнее посещение? Участвовал в работах конголезско-бельгийской экономической конференции. Какое у меня впечатление? Самое прекрасное! Отличные рестораны. Девочки приятные. Помню, в одном месте...

— Ваше отношение к Лумумбе?

— Не говорите мне об этом человеке. Я его ненавижу.

— А правда ли, что вы когда-то, задолго до мятежа, со слезами вымаливали у Лумумбы какой-нибудь пост в его правительстве? Было так?

— Тут не все точно. Пост я вымаливал не по своей инициативе, а по совету моего друга — полковника полиции из Брюсселя. Слезы были не в этот раз, а в другой, когда я просил прощения у Лумумбы за мои шалости с казенными деньгами в Брюсселе. Уж очень там рестораны...

— Понятно. Можно продолжать?

— Пожалуйста. Я человек общительный. Без хорошей компании мне всегда скучно...

— Кто ваши самые верные помощники?

— Подполковник Нендака. Блестящий организатор, дай ему бог здоровья. Завел в Леопольдвиле несколько домов и содержит их в блестящем состоянии: альбомы, медицинский осмотр, полная гарантия безопасности, как в лучших домах Брюсселя.

— Приятно слышать. Не премину зайти при случае. Мы говорили о помощниках. Теперь я хотел бы спросить о ваших ближайших друзьях.

— Ну, прежде всего, конечно, Даг. Говорят, дружба и любовь проверяются расстоянием. Даг далеко, но его теплое участие и трогательную поддержку я ощущаю ежеминутно. Кроме того, считаю необходимым назвать моих самых близких, закадычных, я бы даже сказал, интимных друзей — бельгийских офицеров Хенико, Десмета и Ложиста. Куда они, туда и я, куда я, туда и они. Представляете, даже на совещания вместе ходим.

— Спасибо. А что вы скажете по поводу выступления газеты «Либерасьон»?

— Не читал.

— Послушайте: «Мобуту выдвигает бредовую угрозу атаковать Стэнливиль и... отрезать истоки Нила». Ну, что скажете?

— Это газета левая. Красные на меня всегда наговаривают.

— А вот что пишет «Свенска дагбладет». Солидная буржуазная газета. Прочитать?

— Давайте. Интересно.

— «Уж не сошел ли вдруг с ума полковник Мобуту? Во всяком случае, он угрожает отрезать истоки Нила... ни больше, ни меньше».

— А что! Захочу — и отрежу. Оставлю Судан и ОАР без воды.

— Как вы это сделаете?

— Прикажу солдатам, и они лопатками отведут воды двух притоков Нила... Я все могу...

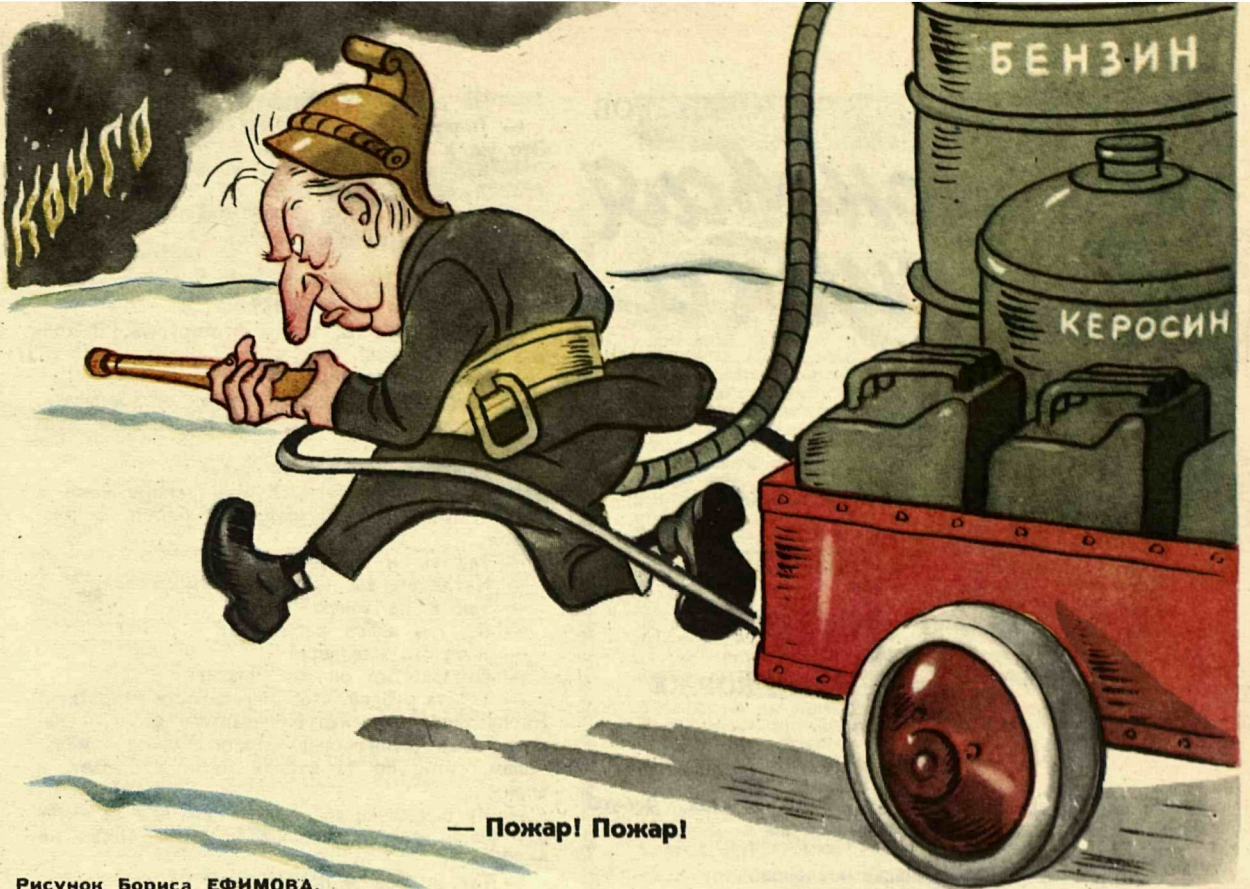
— Вот об этом именно и пишет «Свенска дагбладет»: «Этот замысел свидетельствует не только о вызывающей тревогу мании величия, но и о полном незнании географии у этого воспитанника добрых бельгийских священников, которым он поистине не делает чести...»

— Чепуха! Я все могу. Я теперь генерал. У вас есть еще вопросы? Я вас больше не задерживаю. Будьте здоровы! Одним словом, адью! Эй ты, болван, довольно меня терзать примеркой! Давай головной убор! Что значит велик? Голова мала? Ничего, вырастет. Пшел вон!

* * *

Новоспеченный генерал-майор выпивает, закусывает и, ковыряя в зубах, думает: «Не мог сразу мне генерал-лейтенанта присвоить! Тоже друг!»

Арк. ВАСИЛЬЕВ



— Пожар! Пожар!

Рисунок Бориса ЕФИМОВА.

СЛОВО О ШТАНАХ

От специального корреспондента
Крокодила

Простите, дорогие друзья, что долго не писал вам. После того, как в Крокодиле было опубликовано мое письмо о махинациях мятежников в Лаосе, умуловцы не очень-то благосклонно отнеслись ко мне. Во всяком случае, пришлось изрядно помыкаться, прежде чем удалось выбраться из страны.

В самолете компании «КЛМ» я оказался рядом с солидным джентльменом средних лет. То ли на него подействовали несколько коктейлей, которыми нас угостила прелестная стюардесса, то ли высота, на которой шел самолет, расширила его кругозор, но, во всяком случае, джентльмен был необычайно красноречив.

— Африка бурлит, Африка в огне... А вы знаете, кто в этом виноват? Тот белый поселенец, который впервые разрешил африканцу напялить штаны вместо набедренной повязки.

Бог мой, вы не представляете себе, что такое штаны! Да и не только вы! Вряд ли найдется на земле ум достаточно острый и глубокий, чтобы проникнуть в суть штанов.

Человек может быть счастлив только без штанов. Во-первых, он весел и беспечен, потому что ему нечего терять. Для нас самая страшная перспектива — это разориться и остаться без штанов. Человек без штанов от этого застрахован. Во-вторых, я утверждаю, что штаны несут в себе колоссальной силы развращающее начало. Дело в том, что, как правило, они имеют карманы. По одному боку, иногда еще сзади и спереди. Ни один человек в мире, на котором надеты штаны, не может удержаться от того, чтобы не запустить руку в карман. А запустив ее, не может не задуматься, отчего он пуст. Таким образом, штаны вселяют в человека эдакое нездоровое беспокойство, ведущее к революциям и прочим весьма неприятным вещам.

Я бы сравнил штаны с атомной бомбой. И то и другое действует на

основе цепной реакции. Надев штаны, человек начинает думать о рубашке. Надев рубашку, он полностью теряет чувство меры и начинает мечтать о носках. Носки влекут, естественно, за собой ботинки. Ботинки уже страшны. Человек в ботинках не хочет больше бегать. Может быть, они жмут ему ноги, может быть, ему жалко подошв, а может быть, ему просто уже не хочется бегать по вашему указанию.

Кроме того, штаны зачастую ведут к катастрофическим изменениям в политических взглядах черных. Стоит им надеть штаны, как они тут же убеждаются, что между белыми и ними нет больше принципиальной разницы и что они сами могут прекрасно управиться в своих странах.

Мало того, когда африканец надевает штаны, он моментально замечает, что они с него спадают, потому что он чудовищно худ. Полностью потеряв голову, он пытается поест вволю, чтобы штаны больше не спадали с его талии.

И, наконец, последнее. Человек без штанов может легко идти по пути прогресса, ничто ему не мешает. В штанах человек становится малоподвижным, и вместо движения по предначертанному ему белыми пути он начинает оглядываться на свою жизнь...

Когда мой собеседник замолчал, я невольно посмотрел на его отлично скроенные брюки. Он перехватил мой взгляд и сказал:

— Эти брюки, боюсь, ничего не значат. У меня была прелестная ферма в Конго, но теперь я, фигурально выражаясь, остался без штанов.

— Чего ж вы не радуетесь? — спросил я.

— Что делать, — вздохнул он, — я, знаете, как-то привык и к штанам и к карманам...

ваш

С приветом

Э. Воинский

ПИСЬМА С ДОРОГИ

С. ШАТРОВ

Нейлоновая шубка



НОВЕЛЛА

О ЗНАТНОМ

СВИНОВОДЕ

АФАНАСИИ КОРЖЕ

Глава шестая

Карьера майора. Встреча с Глашей. Дебаты о мануфактуре

Перечень владельцев нейлоновой шубки был бы не полным, если бы мы не упомянули имени Афанасия Коржа. Офицеру Коржу пророчили блестящую карьеру, хотя, как впоследствии выяснилось, судьба не вложила в его вещевой мешок ни маршальской звезды, ни генеральских погон.

Корж демобилизовался из армии в чине майора и поехал в родную Тимофеевку. Месяц он отдыхал, приглядываясь к колхозным делам. Затем объявил о своем желании стать свиномаром.

Такое решение никого не удивило в Тимофеевке. Зато оно поразило господина Хольмана, специального корреспондента иллюстрированного еженедельника. Хольман недоумевал. Он прикидывал на свой лад: офицер бундесвера — и вдруг добровольно становится свинопасом! Что это могло значить? В этой стране большевиков то и дело встречаешься с удивительными загадками. Ведь офицер, ставший свиноводом, должен быть больше чем неудачником. Такой кульбит в биографии свидетельствует о гибели надежд и репутации, крушении карьеры!

Между тем здесь утверждают, что взлет Афанасия Коржа начался именно с той минуты, когда он сообщил о рекордных привесах его питомцев.

Ганса Хольмана никто не мистифицировал. Афанасий Корж, став мастером свинооткорма, действительно получил всеобщее признание. О нем писали газеты, ему посвящались специальные радиопередачи, за ним азартно гонялись кинодокументалисты.

В Москву Корж приехал на Выставку достижений народного хозяйства, где один из стендов был посвящен его методам производства свиноводы и где демонстрировался хряк Яхонт, тоже поразивший воображение журналиста из ФРГ.

Покончив с выставочными делами, Афанасий Корж решил погостить несколько дней в столице, побывать в театрах, в Третьяковке, сделать необходимые покупки.

Итак, отбившись от всеведущих репортеров, прославленный свиновод вышел из гостиницы «Москва», спустился в подземный переход и, выйдя на поверхность, проследовал по улице Горького. У Малого Гнездиновского он столкнулся лицом к лицу с тетей Глашей.

— Господи, твоя воля! — воскликнула домработница стоматолога. — Никак Афанасий, тетки Коржихи сын?

— Он самый!

— Вырос-то как!

— Есть немного, — подтвердил свиновод.

Тетя Глаша пустила слезу и не преминула, как полагается в таких случаях, вспомнить, что однажды Афонька, будучи на ее, Глашиных, руках, испортил ей по причине малолетства новое платье из маркизета.

— А ведь платье можно откупить! — смеясь, сказал Корж.

— Откупишь, жди! — ответила Глаша. — Небось, сам за мануфактурой приехал!

— Не совсем за мануфактурой.

— Толкуй! В Тимофеевке мануфактуры нет.

— Это уж я точно знаю!

— Кто вам сказал?

— Люди говорили.

— Да мануфактуры у нас завались!

— Так и завались!

— Ей-богу!

— Врешь все!

— Зачем же мне врать?

— Партийный ты, вот и агитируешь. В колхоз заманиваешь!

— Как это заманиваю?

— Завлекаешь, значит. Палочки отработывать.

— Вы когда, тетя Глаша, из колхоза драпанули?

— Почитай, лет десять будет.

— Отстали вы, тетя. К нам теперь сами в колхоз просятся. Возвращенца берем с разбором.

— Так уж и с разбором?

— Не знаете вы нынешней Тимофеевки.

— Так и не узнаю?

— Вы где здесь работаете?

— У одного живодега!

— Сколько же он вам платит?

— Триста рублей, чтоб ему челюсти своротило!

На праздники хозяйка мануфактуру дарит, — сказала Глаша, маниакально блестя глазами, — мадаполам, ситец по 11 рублей метр, а бывает, и эпонж...

— Ну и чудачка вы, Глаша! Что вам за выгода? Наши доярки меньше полутора тысяч не получают!

— Так я тебе и поверила!

— Вы дочку вдовы Солодкой знаете? Она себе «Москвича» купила с заработков на ферме.

— А самолет она не купила?

— Нехай мени сто чортив и сира свитка! — поклялся Корж.

Когда свиноводу надо было образно выразить свою мысль, он переходил на родной украинский язык.

— Шоб мени гром убив и блиска спалила!

— А Федя Акундин машину не купил? — тихо спросила Глаша.

Глаза у тети Глаши затуманились. Федор Акундин был старой любовью тети Глаши. В свое время он коварно пренебрег ею. С тех пор любовная заноза навек осталась в верном Глашином сердце.

— Сбился с пути Федя, — сказал Корж. — Горб на животе отращивает. Пять дней ничего не ро-

бит, шостий видпочивает. Одним словом, дармоид!

— Так и дармоид?

— Ледак! Ему бы в колхозе работать, а он шабашничает!

— Партийный ты! — повторила Глаша. — Всех в колхоз вербуешь! Только в колхоз я не пойду!

Мне и у хозяина хорошо, — сказала Глаша и с редкой непоследовательностью добавила: — Чтоб у него в каждом зубе дупло образовалось! Чтоб ему все зубы без наркоза повыдергивали!

Так и не разубедив землячку, Афанасий Корж начал прощаться, предварительно осведомившись, в каком из московских магазинов лучше подыскать жене подарок. Этот невинный вопрос окончательно убедил Глашу, что на селе мануфактуры нет, что Афанасий прибыл в столицу за штапелем и что она хорошо сделала, не поддавшись агитации.

— Не обломалось! — сказала она, восхищаясь своей прозорливостью. — Ладно, я на тебя злобы не имею. Зайди в комиссионный магазин. Там мой хозяин, чтоб ему на том свете черти коронки пообломали, самые лучшие вещи покупает.

И Афанасий Корж направился в комиссионный магазин.

Глава седьмая

От А и до конца алфавита. Жили ли на земле Веронезы? Носят ли колхозники ушкунники? Шубка меняет хозяина.

Поэт-переводчик Александр Себастьянов слыл среди родных и знакомых удачливым человеком. Он никогда ни в чем не нуждался. Он жил, как хрестоматийная птичка, без особых забот и труда. Его имя неправомерно часто появлялось на страницах периодической печати. Он переводил с

аварского, болгарского, венгерского, греческого, дунганского и так далее до конца алфавита.

Ни на одном из этих языков Себастьянов не говорил, не читал и не писал. Он о них понятия не имел. Впрочем, и русский он знал в объеме неполной средней школы. Переводчика-полиглоты спасали подстрочники, версификаторские способности и непобедимое нахальство.



В редакциях его любили литературные консультанты. Несмотря на свои пятьдесят лет, Себастьянов разыгрывал этакое милого, добродушного, свойского рубаху-парня. Он был неизменно весел, всегда имел в запасе свежий анекдот, неприятательную шутку, литературную сплетню. Рассказывал он с неподражаемым мастерством. Рассказывал намного лучше, чем писал. Его охотно слушали уставшие от графоманов консультанты.

Собратья по перу утверждали, что Себастьянов, подобно танку, обладает повышенной про-

Продолжение. См. №№ 1—4,

ходимостью. Он легко преодолевает все редакционные рвы, ежи и надолбы, выставленные против литературных дельцов.

Только один раз, из-за опечатки в подстрочнике, поэт влип в поганую историю. Он сдал в редакцию одного ведомственного журнала стихи с пометкой: «Перевод с веронезского».

Секретарь редакции поинтересовался, в какой стране народ говорит на веронезском языке.

— А разве вы не знаете? — уклончиво ответил Себастьянов. — Веронезы испокон веков говорят на веронезском!

— В первый раз слышу! Возможно, здесь имеются в виду ирокезы? — сказал секретарь, припоминая, что в детстве он читал у Фенимора Купера про этих воинственных индейцев.

— Ирокезы — совсем другое, — с апломбом сказал Себастьянов. — Ирокезы даже не этническая ветвь веронезов.

— А кто они?

— Как кто?

— Ну, где живут ваши веронезы?

— Почему мой? — пробовал отшутиться Себастьянов. — Они такие же мои, как и ваши.

— Не будем пререкаться, — сухо сказал секретарь.

«Подлецы переводчики, — тревожно подумал Себастьянов, — дали слепой подстрочник, и я, видно, сильно поднапутал».

— Так где же живут веронезы? — повторил свой вопрос дотошный секретарь, учуяв неладное.

— Известно где, — сказал Себастьянов, бросаясь со стометровой вышки в ледяную воду. — В Гондурасе живут. — И с отчаянием добавил: — И еще на островах Пасхи. Но там их осталось совсем мало. Испанские завоеватели их перебили. Вот сволочи!

Несмотря на гражданский гнев, секретарь редакции не поверил. Вопрос о веронезах перешел в группу проверки. Группа связалась с географическим обществом, которое сообщило, что на земном шаре в последние тридцать миллионов лет веронезы не проживали.

Дело запахло скандалом. Прижатый к стене полиглот быстро превратил все в шутку и попросил редакцию извинить его за беззлую мистификацию.

История с веронезами умерла в стенах журнала. Переводчик продолжал процветать, снабжая свою Киру Степановну необходимыми денежными знаками. Они тратились на поддержание семейного декора и тряпичное оборудование поэтовой супруги.

Отправляясь в очередной рейд по магазинам, Кира Степановна брала с собой мужа. Он выполнял роль торгового советника и консультанта по модам, в которых разбирался лучше, чем в стихах.

Себастьянов, как и Кира Степановна, был своим человеком в комиссионном магазине.

На этот раз они пришли по телефонному звонку Матильды Семеновны.

— Какую мы вам штуку припасли — пальчики облизает! — сказал Веня-музыкант, извлекая из-под прилавка нейлоновую шубу.

— Боже, что за прелесть! — воскликнула супруга полиглота, не в силах сдержать красивых эмоций.

— Шик модерн! — подбросила из своего угла Матильда Семеновна.

— Эпохальная шуба! — подтвердил Веня.

— В ней что-то есть, — согласился Себастьянов.

Вся ширококостная, приземистая фигура Киры Степановны с чуть кривыми массивными ногами дрожала от нетерпения. Ее и без того бегающие глазки шныряли по нейлону с таким вождением, что психолог Веня тут же решил накинуть пару сотен.

Афанасий Корж остановился в дверях фанерного закутка как раз в тот момент, когда поэтова жена натягивала на свои могучие плечи серебристое чудо.

Сверхпрочный нейлон затрещал по всем швам.

— Снимай! — сказал Себастьянов. — Она тебе явно мала.

— А может быть, сойдется? — с надеждой спросила Кира Степановна, пытаясь запахнуть полу.

— Нет, уж лучше снимите! — сказал муж, боясь, как бы им не пришлось заплатить за испорченную вещь.

— А если расставить свинку? — чуть ли не со слезами сказала Кира Степановна.

Поэт опустил на одно колено, отвернул полу и авторитетно заявил:

— Нет запаса!

— Просто как с кожей сдираешь, — сказала вконец опечаленная Кира Степановна, снимая шубку. — Подумайте только, Матильдочка, как мне не везет! У нас есть свободные деньги. Муж получил гонорар за переводы с каракалпакского, тувинского и языка хинди.

— Видно, не судьба! — сказал Веня и хотел было спрятать шубку под прилавок, как раздался голос Коржа:

— А ну-ка, друг, покажи эту вещь!

Веня-музыкант удивленно поднял голову. Занятый Кирой Степановной, он не заметил появления Коржа.

— Шубка вам не подойдет, — сказал Веня.

— Подойдет или не подойдет, это мне знать! — ответил Корж, подойдя к прилавку.

Веня оглядел фигуру Афанасия Коржа и по его чуть обуженному, синему шевитовому пиджаку, по широкому брюкаму, по затейливо вышитой гуцулке и, наконец, по буро-кирпичному загару, покрывавшему лицо, шею и руки, безошибочно определил в пришельце сельского жителя.

— Вы никак с периферии? — с мнимой дружелюбностью осведомился Веня.

— С колхозу, — подтвердил Корж, все еще любуясь шубкой.

— Зачем же вам такое манто? — ехидно спросила Матильда Семеновна, подмигивая Себастьянову.

— Как зачем? Чтоб носить!

— Таких элегантных вещей деревня не носит!

— А что, по-вашему, она носит?

— Зипуны, поддевки, ватники...

— Полушалки, — вспомнил поэт.

— Ушкуйники, — добавила образованная Кира Степановна.

— А подойников там не носят? — спросил Корж.

— Не острите, — сказала Матильда Семеновна. — Подойники — это такое корыто, куда сливают молоко. Мы знаем. А вот короткие плюшевые жакеты там в большой моде.

— Приятно встретить людей, которые так хорошо знают колхозную жизнь, — сказал Корж, начиная злиться.

— Вы хотите сказать, что я оторвался от действительности? — сварливо спросил Себастьянов.

— Не будем пререкаться, — примирительно сказал Веня. — Я думаю, что представителю сельской интеллигенции манто не подойдет по цене.

— А сколько оно потянет карбованцев?

— Пять тысяч!

— Крепко! — сказал Корж.

— А вы думали отхватить ее за сотню? — заколыхалась на своем табурете Матильда Семеновна.

— Крепкая цена, ничего не скажешь! — повторил Корж.

— Послушайте моего совета, товарищ колхозник, — сказала Матильда Семеновна. — Пойдите на Тишинский рынок и там в палатке купите жене хорошее грубошерстное пальто за какие-нибудь триста рублей. Дешево и сердито!

— Спасибо, — сказал Корж, — а я было начал думать, что моей жене можно и манто надеть.

Веня пригляделся к профилю Коржа, и ему почудилось, что где-то он видел этого человека. «Только где?» — мучительно начал припоминать завмаг.

— Вы все хорошо объяснили, но на Тишинский я не пойду, — сказал Корж.

— Это уж ваше дело! — ответила Матильда Семеновна.

— Хотите, я продам вашей жене модное пальто? — вмешалась Кира Степановна. — Я носила его всего один сезон.

— Эффектный фасончик! — сказал поэт. — Снизу чуть расклешено, рукава японкой...

— Японкой — это уже интересно, — сказал Корж.

— На нем ни единого пятнышка, оно почти новое...

— Жена прекрасно носит вещи, — поспешил заверить поэт.

— Приятно встретить отзывчивых людей, — сказал Корж.

— Мы всегда рады помочь, — засуетилась поэтова жена, предвкушая выгодную сделку.

— За помощь спасибо! — поклонился Корж и неожиданно заключил: — Заверните манто!

(Продолжение следует.)

ВРЕМЕННО покинув свой пост у райских врат и спустившись на землю, грозный Михаил-архангел запросто ехал автобусом из Львова в Ровно. Вместо белоснежного хитона на нем были обычный пиджак и помятые брюки. Фетровая шляпа сменяла сияющий нимб. Громоздкие крылья архангела, очевидно, отправил по железной дороге малой скоростью вместе с огненным мечом, упрятанным в жароупорный футляр.

Путешественника сопровождала в качестве секретаря молодая, хорошенькая девушка. Она называла Михаил-архангела дядей Мишей и бегала для него на станциях за водочкой.

Все это, к сожалению, не только юмористика... За путешествующего святого выдавал себя некий Михаил Гнесюк, подвизавшийся проповедником в секте «истинно православной церкви». Он доверительно сообщил сектантам, что прибыл на Украину по командировке сегомо господ бога для проведения кое-каких мероприятий, связанных с приближением конца света и предстоящими заседаниями страшного суда.

— Не посылайте детей в школы, не работайте на бесовских заводах и фабриках, не подчиняйтесь законам! В этом ваше спасение! — бубнил посланец небес на молитвенных собраниях.

И находились темные, запутавшиеся в религиозных тенетах люди, верившие, что перед ними святой архангел собственной персоной. Нахо-



дились и такие, что послушно следовали его увещаниям и призывам. Но самое поразительное заключалось в том, что проходившему удалось вовлечь в секту и сделать своим секретарем в инспекционных поездках по общинам студентку Львовского медицинского института, в прошлом активную комсомолку Аллу Ц.

Втянуть девушку в секту помогли Гнесюку и мать Аллы и вся затхлая религиозно-кликушеская обстановка, царившая в семье студентки... А вот таких сил, которые удержали бы Аллу от ложного шага, и не нашлось. В институте никто даже не поинтересовался, почему эта девушка, поступив на первый курс, не встала на комсомольский учет, часто пропускала занятия, плохо училась.

Между тем лжеархангел в сопровождении Аллы продолжал путешествие по селам. Проповеди были у Гнесюка все те же — о страшном суде, который ждал тех, кто работает в колхозах. Впрочем, деньги, полученные верующими на трудодни, Михаил-архимощенник принимал благо-склонно.

Вскоре Гнесюк смекнул, что являться на молитвенные собрания было бы куда эффективнее не только в архангельском чине, но и в сопровождении какой-нибудь святой, а не просто секретаря, и он решил выдать Аллу за святую Марию. Но тут для самого Михаила пришел час страшного суда, причем вполне реального, земного, с участием прокурора и защитника.

Желая избежать ареста, «святой» попытался в последний момент сотворить чудо и перевоплотиться с помощью бабьего платка в особу женского пола. Маскарад не удался. На скамье подсудимых произошла встреча разоблаченного архангела с другим небожителем, таким же антисоветского толка проповедником Петром Жуковским, подвизавшимся среди сектантов в качестве «апостола Петра».

Суд полубошкетствовал, каким было житие двух мастных жуликов. Судьи отвечали:

— Паразитизм... Корыстолюбие... Пьянство... Разврат...

Е. ВАСИЛЬЕВ

ПО СЛЕДАМ ДЕТЕКТИВА...



ТОТ светло-голубой конверт с почтовым штемпелем ничем не отличался от десятков и сотен таких же. Однако содержимое

его взволновало даже тех, кто по долгу службы привык читать письма людей, взявшихся за перо, быть может, в самую трудную минуту жизни.

В письме шести коммунистов сапожковской средней школы Рязанской области сообщалось, что начальник Путятинской милиции Хотин, заподозрив в краже десяти тысяч рублей четырнадцатилетнюю школьницу Танию С., подверг ее неслыханному издевательствам. Он возил ее по деревням, представляя как воровку и мошенницу. А когда Тания, чтобы избавиться от дальнейших мучений, сказала, что она взяла деньги, начальник милиции заставил ее родителей дать письменное обязательство уплатить десять тысяч.

«Но Тания не могла взять чужие деньги, — писали учителя. — Танию и ее семью мы знаем семь лет. Девочка она очень скромная, начитанная, пионерка и отрядная вожатая в четвертом классе. Заведует живым уголком в школе, учится на «четыре» и «пять». Ни в каких плохих делах никогда замечена не была и ее родители тоже... Вот уже пять месяцев ее таскают по судам и следствиям... Просим вернуть покой нашей ученице и ее семье».

Мы отправились на место происшествия, познакомились с Таней С., начальником милиции и пострадавшей — Варварой Сидориной, жительницей деревни Никитино, Путятинского района. Сидорину здесь знали все — от мала до велика. Но ни один человек не сказал о ней доброго слова. Репу-

тация Сидориной крепко подмочена мутным и дурманящим напитком — самогоном. И, разговаривая с нами, Варвара восседала на огромной бочке с самогонной заливкой. Сидорина в колхозе не работает и в оправдание протянула справку, удостоверяющую, что «предъявительнице сего рекомендуется легкий труд». Таким Сидорина считает торговлю на городских рынках дарами природы, а на сельских рынках — плодами цивилизации. Без всякого стеснения Сидорина заявила, что в годы войны спекулировала шпильками, иглами, а теперь фруктами, овощами, дрожжами, перцем и прочими специями.

— Я женщина трудовая, — хвалится она, — у меня деньжата всегда водятся!

Когда мы попросили ее рассказать о встрече с Таней С., она, всхлипывая, стала размазывать пудровыми кулачищами слезы.

Тания пришла в Никитино в августе к своему отцу, который ремонтировал там дом одной колхозницы. Варвара пригласила незнакомую девочку к себе ночевать и по простоте душевной уложила спать с собой на пуховой перине. А под периной лежали десять тысяч рублей.

Утром хозяйка, оставив Танию и своего взрослого сына дома, уехала на базар. На другой день — хват! — денег нет. Варвара кинулась в Сапожок и возвратилась обратно с Таней и ее матерью. Но девочка твердо заявила, что денег не брала. Тогда Сидорина побежала к телефону звонить в милицию. Но не успела сделать и двух шагов, а навстречу ей катит в машине сам начальник Путятинского районного отделения милиции майор Хотин. С места в карьер он гаркнул на девочку:

— Признаешься?

— Что вы! — испугалась Тания. — Никаких денег я и в глаза не видела...

Но майора Хотина не так-то легко было провести. Путятинскому детективу приходилось распутывать дела и посложнее. А тут какая-то девчонка вздумала запираяться!

— Поймай! — злорадно сказал Хотин. — Ты у меня еще заговоришь! Соловьем запоешь!

Лихой майор втолкнул девочку в милицейскую автомашину, швырнул на землю ее мать, которая не хотела отпускать дочь одну, и укатил.

Убитые горем пожилые отец и мать Тани с трудом прошли двадцать пять километров от Никитина до районного центра. Они добрались до милиции в кромешной тьме. Но дочери их там не было. Всю ночь родители терялись в страшных догадках.

А в это время Хотин возил девочку по деревням.

— Эта негодяйка, — говорил он всем, указывая на девочку пальцем, — украла десять тысяч, но не сознается!

Перед стеклами автомашины мелькали деревня за деревней. И всюду одно и то же:

— Воровка!

Поздно ночью машина остановилась у дома. Но это была не милиция. Это был дом Сидориной. Обрадованная хозяйка уступила почетному гостю свою постель, и, утомленный трудами праведными, начальник отделения милиции заснул сладким сном, ощущая сквозь перину тепло лежавших там когда-то десяти тысяч.

Танию на ночь заперли в милицейской автомашине. Сутки ее морили голодом.

— Если ты признаешься, тебе ничего не будет, — обхаживала ее Сидорина. А не добившись своего, гремела кулаком по кузову машины, угрожая поджечь Танин дом, подослать бандитов...

Девочке всю ночь мерещились кошмары: горит ее дом, какие-то люди преследуют отца и мать. И утром Тания решила сказать, что взяла деньги и выбросила их по

дороге, когда ехала домой в Сапожок.

Приехав в районный центр, Хотин небрежно бросил родителям школьницы:

— Созналась ваша Татьяна. Пишите обязательство, что уплатите Сидориной десять тысяч, и забирайте ее.

И Сидорина наверняка отхватила бы солидный куш, если бы, на ее беду, в защиту Тани не поднялась общественность двух районов — Сапожковского и Путятинского. Все знали Танию как честную и старательную пионерку. Всем стало известно, каким путем Хотин добился ее признания.

Народный судья Сапожковского района И. Ф. Степанов, на чью долю выпало взыскать с отца Тани десять тысяч рублей в пользу Сидориной, усомнился в справедливости дела, состряпанного начальником милиции.

А Хотин по-прежнему уверен в своей непогрешимости. Случай с Таней он считает самым заурядным в его обширной милицейской практике.

Отец Тани пожаловался на Хотина в Управление внутренних дел Рязанского облисполкома. Но там обращение начальника отделения милиции с несовершеннолетней девочкой нашли вполне допустимым и нормальным. А жалобу «за неподтверждением фактов» отклонили. Вот почему Хотин и уверовал в свою безнаказанность.

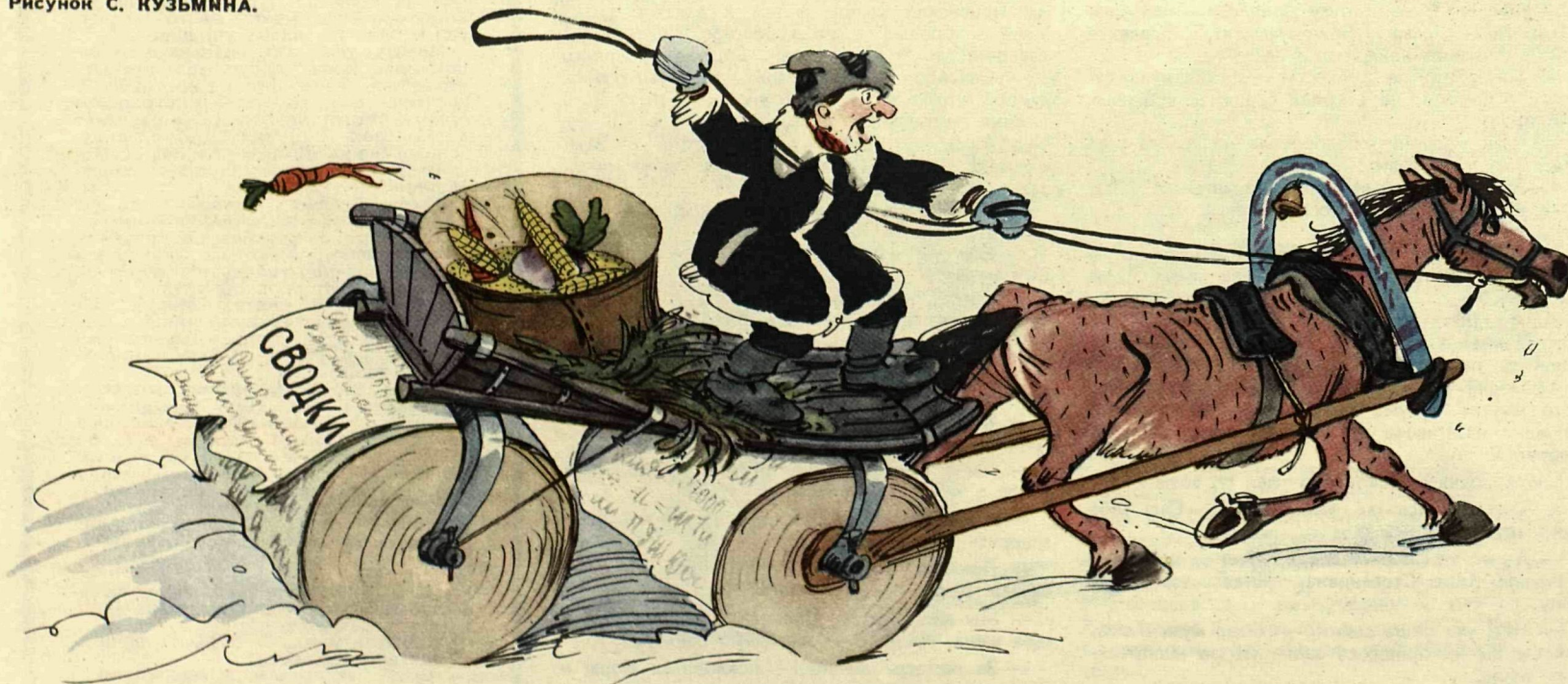
Только после того, как мы побывали в Сапожке и Путятине, начальник областного УВД тов. Зотов объявил Хотину выговор за нарушение законности. Пять месяцев потребовалось тов. Зотову, чтобы разглядеть в поступке Хотина нечто несомнестимое с законом!

И майор Хотин по-прежнему блюдет законность в Путятине. Тот самый майор, машина которого «буксует» у дома спекулянтки и который располагается у самогонщицы, как у родной тещи!

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент
Крокодила

Рязанская область.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.



ВЫЕЗЖАЮТ...



Танцевальный полигон

Говорят, танцор нынче пошел неистовый. Ему не только какого-нибудь скромного кафе — танцплощадки мало. Ему уже скучно выделять заковыристые па среди десятка-другого танцующих пар. Нет, ему подавай пространство чуть ли не до самого горизонта, чтобы было где раззудиться плечу и размахнуться ноге. И чтобы рядом с ним еще тысячи полторы танцующих поднимали пыль столбом.

Идя навстречу пожеланиям именно такого рода танцоров, Управление культуры Моссовета строит в Москве чуть ли не космический танцевальный зал.

Вчитаемся в сообщение «Вечерней Москвы»:

«На 1 400 человек рассчитан танцевальный павильон, строительство которого началось в Москве, на Воробьевском шоссе. Кроме зала танцев с эстрадой для оркестра, в проекте павильона разработано сотрудничество мастеров № 11 института «Моспроект», предусмотрены помещения артистической, кафе-бара с открытой площадкой, школы танцев».

Вот он, космический размах! Вот они, межпланетные масштабы! Вот куда пойдут вагоны кирпича, десятки тонн железобетона, тысячи квадратных метров стекла и паркета! Вот куда будет вложено более миллиона рублей (новыми деньгами)!

Нет, мы никак не против танцев. При случае мы сами не прочь «оторвать» мазурку-другую. Тем не менее мы хотим привести здесь слова двадцатилетней москвички Нины К., высказанные ею в беседе с нашим корреспондентом:

— Эта гигантская танцплощадка меня немного пугает: не заблудиться бы на ней! А к тому же, — тут Нина потупилась, — мы с Володи ждем первенца. И хотели бы отметить день его рождения в собственной квартирке, хотя бы и однокомнатной. Вот мы и опасаемся, как бы этот танцевальный комбинат не поглотил стройматериалы, предназначенные для постройки дома в Фиялах, где будет наша квартира. Как вы думаете, этого не случится?

Будем надеяться, дорогая Нина, что не случится.

А. В.

Стираем пятна

В № 12 журнала «Новый мир» за 1960 год помещены воспоминания ряда лиц о Л. Н. Толстом. А перед воспоминаниями, на стр. 239, напечатана вступительная редакционная статья, где черным по белому написано:

«С каждым годом все меньше и меньше пятен в биографии Толстого».

А ну-ка, скажи про любого из членов редакционной коллегии «Нового мира», что у него «пятна в биографии», — ведь обидится!

В ТОВАРИЩАХ!

20 ФЕВРАЛЯ 1961 ГОДА № 2.

В МОСКВУ НА ЯРМАРКУ

С большой радостью и воодушевлением встретил коллектив Витебского завода заточных станков весть об открытии крокодильской ярмарки бракоделов. Теперь не нужно ломать себе голову в рассуждении, куда

девать три автотележки Гомельского завода сельскохозяйственных машин. Вы видите справа, как автотележки готовят для транспортировки на ярмарку. Они пойдут в Москву, но не своим ходом. Заводская секция штангистов выехала на соревнования, а без нее никто не в силах повернуть у тележки руль.



НАВАЛЯЛИ

Дошкольники, хоть раз надевшие валенки комбината «Эльняс», не расстаются с ними ни днем, ни ночью. Между тем продукция комбината не блещет особым изяществом и красотой. Какая уж там красота, если надевший такой валенок напоминает ворсом дворняжку, вернувшуюся домой после хорошей драки!

К тому же пятна валенка порою смахивает на сплюснутый носок, а носок — на расплюснутую пятну.

В сырую погоду валенки комбината «Эльняс» имеют одну хитрую особенность: они становятся меньше на четыре номера и прихватывают ногу на манер инвизиторского испанского сапога. А посему...

СОВЕТЫ ПОКУПАТЕЛЯМ

Читатели нашего бюллетеня одобрили участие в ярмарке псковских «химиков» с их повсеместно известной лентой «Мухолов». Одновременно они спрашивают: есть ли в продаже какие-либо новые средства против мух?

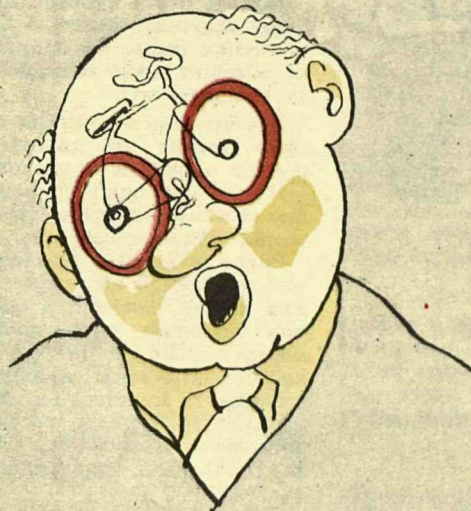
ЕСТЬ! Покупайте на выбор «Волжское десертное», «Волжское крепкое» или «Красное сладкое» Омского винозавода! Привязав бутылку за горлышко, подвесьте ее к потолку вместо липучки. Через час бутылка будет сплошь усеяна мухами. Не подумайте, однако, что вина Омского завода сладки, как мед. Напротив, по вусовым качествам они почти не годны для потребления внутрь. (Не случайно же забрановано 26 тысяч литров этого пойла!) Просто бутылки, в которых они производятся, добротно заляпаны клеем и липким сургучом.

ПОКУПАЙТЕ ЖЕ «ВОЛЖСКОЕ КРЕПКОЕ», «ВОЛЖСКОЕ ДЕСЕРТНОЕ» И «КРАСНОЕ СЛАДКОЕ» ТОЛЬКО ОМСКОГО ВИНОЗАВОДА! Вы легко узнаете их по скромной наклейке, отпечатанной на газетной бумаге.



Сдается в аренду на неопределенный срок пароход «Она», принадлежащий Котласскому техникуму участку Северного бассейна. Неподвижная «Она» может быть переоборудована в кафетерий. Начальник участка при этом ставит одно неременное условие. Кафетерий должен называться

«Двенадцатый поршень». И это не париз. Просто «Она» с августа прошлого года стоит на якоре лишь потому, что Лимендский судоремонтный завод никак не может заменить пароводушку. Лимендские умельцы, правда, изготовили для «Они» не один, а целых двенадцать поршней, но все... бран.



ПОД ЗВОН ЦЕПЕЙ

Директор Пензенского велозавода В. П. Джанполов выразил неудовольствие по поводу организации ярмарки и даже сделал себе самоотвод. Мы, однако, настаиваем на участии Вахтанга Павловича в ярмарке, так как он может поделиться большим опытом борьбы с инселецией по качеству.

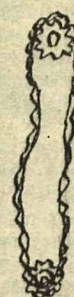
Ровно год назад на его заводе забраковали всю готовую продукцию и установили особый режим приемки велосипедов.

— Не ставьте мне палки в колеса! — взмолился Вахтанг Павлович. — Я буду хорошим, а велосипеды — еще лучше.

Поверили директорскому слову. И зря. В конце прошлого года Пензенский велозавод порадовал торговую сеть чуть ли не пятью тысячами велосипедов, которые представляют собой явный брак.

Но Вахтанг Павлович не согласен с такой оценкой своей продукции. Он упорно забрасывает доверчивым потребителям шелудивые, «восмерящие» велосипеды с ободными седлами, а также цепями, которые терзают слух и брюки.

Самоотвод Вахтанга Павловича не принимается. Посылает ему персональное приглашение в розовом конвертике.





— Вы надолго к нам?
— Месяца на полтора-два, не меньше, мне надо в главке одну бумажку подписать...

Рисунок М. СОКОЛОВА



ПОСОЧУВСТВОВАЛ
— Что расстраиваешься! Две минуты не десять суток...

С изобретением радио люди получили новый замечательный инструмент общения.

Появилась возможность вести беседу «по воздуху», не считаясь с расстояниями, слушать увлекательные репортажи о футболе и заочно участвовать в игре «Угадай-ка!».

В метро и троллейбусах по радио объявляются названия станций; теперь даже самый рассеянный пассажир не проедет свою остановку.

Радиофицированы перроны железнодорожных вокзалов, и в минуты стоянок поездов диктор предупредительно сообщает:

— Товарищи приезжающие командированные, ресторан направо... Товарищи уезжающие командированные, кипяток налево...

Все это очень трогает. До глубины души. Радио — весьма приятная вещь. Но злоупотреблять приятными вещами врачи не рекомендуют.

Почему мы вспомнили о врачах? Потому что дальше речь пойдет о нервах и здоровье.

Как сказал один мудрец, «радио сближает дальние страны и ссорит близких соседей».

Разве не верно? Представьте: живут в энной квартире восемь или десять человек, и один из них включает свой приемник

всегда только на полную громкость. Аж стены дрожат! Но стенам-то ничего: их дело — пропускать звук к соседям, а последние вынуждены покорно принимать пирамидон или пройтчку.

Встречается и другая разновидность взломщиков барабанных перепонки. Представители этого племени «шумовиков» устанавливают свои радиолы на подоконниках и бомбардируют улицу «Трот-маршем», «Липси» или «Тип-топом».

Но это разбойники-одиночки. Их как-то можно усмирить и «скрутить». Тем более что в некоторых городах исполкомами изданы инструкции. И там довольно определенно сказано, как усмирить и как «скручивать».

Гораздо труднее бороться с теми, кто шумит не из любви к искусству, а по долгу службы. При этом мы вступаем в конфликт не с какими-то ошалелыми индивидами, а с учреждениями, организациями.

...В последнее время стали радиофицироваться городские пляжи и бассейны. Как говорится, тонуть — так под музыку. Через каждые четверть часа дежурная медсестра включает пластинку, на которой записана инструкция по плаванию:

— Граждане, не заплывайте далеко. Многие молодые жизни безвременно прервались оттого, что люди хлебнули воды. Если тонете, старайтесь удержаться на поверхности...

Спустя пятнадцать минут — опять та же пластинка, и деться от нее некуда. Хоть в воду бросайся.

В этой ситуации выручить может только одно — чувство юмора. К помощи его и прибегают люди.

Как только начинается очередная сеанс радиовнушения,

все, зная текст наперед, хором, как молитву, повторяют:

«Если тонете, старайтесь удержаться на поверхности...»

Получается что-то вроде глупой, но забавной игры.

И все-таки вид у посетителей пляжа несколько раздраженный и одичалый.

А что сказать о жителях соседних кварталов, где гулкое эхо не стихает весь день?

Иногда радио беспричинно преследует людей и в парках культуры и в других местах.

Жаль, что как-то в стороне остались, например, бани. А ведь как бы хорошо было: приходите вы в баню, раздеваетесь — и вот начинают «крутить» пластинку:

— Граждане мощиесея! Не обливайтесь одним кипятком. От этого может облезть ваша кожа. Разбавляйте кипятком холодной водой. При попадании мыла в глаза старайтесь промыть последние. Причем делать это надо руками...

Репродукторы можно установить не только в самой бане. Один-два хорошо повесить на улице. Пусть слушают и прохожие: видимо, и они когда-нибудь придут мыться.

А автор этих строк был недавно в одном молодом городе. Там ему вручили коллективное письмо от жителей нескольких больших домов:

«Мы не знаем сна и покоя. На площади перед нашими корпусами установили громкоговоритель, и он не затихает с шести утра и до двенадцати ночи. И сила у него какая-то оглашенная: хоть паровоз перекричит. Кто работает в ночную смену, совсем не имеет возможности отдохнуть. И дети в люльках нервничают. Мы не раз обращались к коменданту, а он говорит: «Вы против культуры? Напишите об этом».

Я написал. Но через месяц столкнулся с такой же «культурной» в другом городе. В самом центре его создали что-то вроде цветочно-овощного базара. Торговля шла под музыку. Крутили «Ландыши» и «Сирень-черемуху». Иногда в этот репертуар включалась еще «Белая акация». Устроители базара искали пластинку со словами «ох, картошка — обеденье», но не нашли. Про овощи песен не было. Но горожанам хватало и «Ландышей». Пресытившись музыкой, они целой делегацией пришли в горсовет и на вопрос: «Что вам надобно?» — ответили: «Тишины».

С шумами, в частности, с теми, которые происходят от злоупотребления радио, надо бороться. Но как это сделать?

Исходя из правила «клин клином вышибают», предлагаю: везде, где только можно — на перекрестках улиц, площадях, в переулках, во дворах, — установить дополнительные репродукторы и через посредство радио разъяснять, что шум для человека вреден. Можно даже выпустить специальную пластинку с беседой на эту тему. А в качестве музыкального приложения к ней продавать запись известной песенки «Тишина».

Бор. ЕГОРОВ

Нарочно не придумаешь

«Мужа как реальное существо я перестала видеть после первой же брачной ночи».

(Из заявления в собес.)

«Как мастер цеха я подумал, что Ершова приставили ко мне в качестве ученика, и за обучение я потребовал с него чекушку. Могло ли мне прийти в голову, что он инженер, пришедший на практику?»

(Из объяснительной записки в заводоуправление.)

СОБРАЛ В. ЩЕЛЫВАНОВ.

«Трамвай до 10-й станции Большого фонтана следовал в возбужденном состоянии».

(Из объяснения свидетеля.)
Выписал С. СТАРЕЦ.

ВСЕ ДЕЛО В РЕМОНТАХ

«Экипаж не мог бороться с бурей. Он находился в ремонте». Конечно, читатель понимает, что эта цитата вымышленная. Ни в одном рассказе о кораблекрушении не было такой фразы.

А вот это уже не выдуманно: «Благодаря тщательному уходу и точному выполнению графиков планово-предупредительных ремонтов, экипаж находится в отличном техническом состоянии».

Добавим: чего не скажешь об авторе заметки в областной газете «Днепровская правда», посвященной успехам кривокожских экскаваторщиков. Состояние у него было явно не отличное!

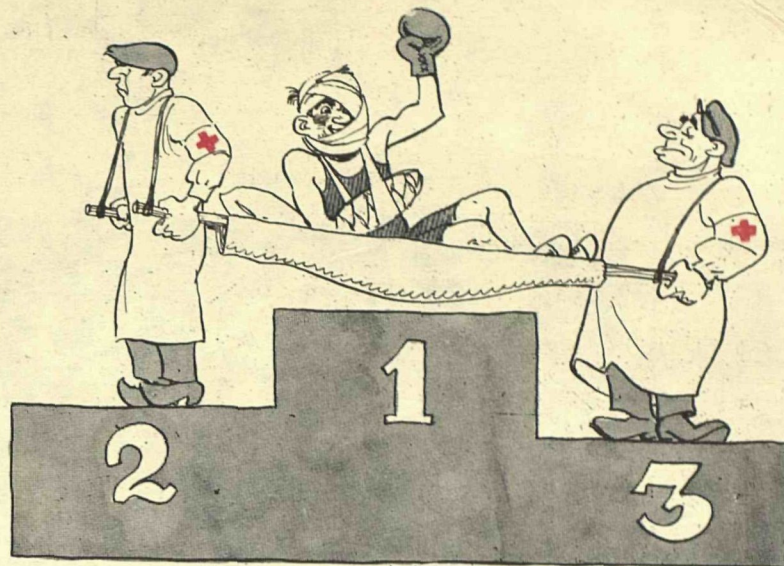


Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.



БЕЗ СЛОВ.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Операция «Арктический гусь»

...Гудели обледеневшие провода, с напряжением работали арктические радиостанции. С мыса Шмидта на Чукотке в адрес бухты Сомнительная на острове Врангеля шла депеша за депешей.

«Сомнительная. Титову. Все необходимые части для ремонта вездеходов достали тчк Практическую помощь окажем на месте тчк Среди отъезжающих два механика тчк Срочно сообщите возможность приема оказания тчк Белокопытов».

— Немедленно готовиться к приему оказания с мыса Шмидта! — распорядился Титов — Проверить готовность людей и снаряжения!

На скалистых просторах острова Врангеля назревало нечто грандиозное...

Но вот в разгар подготовки ледового рейда, ровно в час тридцать ночи была принята загадочная радиограмма:

«Прошу сообщить когда ваши собираются охоту гусей тчк Направляю наших пять подкрепления вашей группы тчк Белокопытов».

Вероятно, только очень посвященные люди догадывались, что под обычными словами «охота» и «гуси» скрывалось условное, зашифрованное наименование предстоящей операции.

И вдруг все сорвалось: из-за плохой погоды шмидтовцы прибыть не смогли.

— Что же, будем действовать без них, на свой страх и риск, — решили непреклонные врангельцы. — А санные поезда на что? А традиционные собачьи упряжки?

В ударный добровольный отряд вступили председатель Врангельского сельского Совета Берещак, опытные землепроходцы Приходько и Емец, начальник метеорологической станции Зубов, начальник полевой партии Северо-Во-

сточного геологического управления Батурич, взрывник той же партии Дураев, заведующий торгово-заготовительным пунктом Чукотторга Перельштейн, группа работников полярной станции бухты Роджерса. Операция «Арктический гусь» началась...

Оснащенная до зубов, экспедиция на собачьих упряжках, усиленная вездеходами и тракторами, ринулась в самые укромные уголки острова — в тундру Академии, к подножию горы Кит, в верховья и долины рек Гусинья, Песочная, Мамонтовая, Тундровая. В этих заповедных уголках сосредоточены массовые гнездовья редчайшего в СССР дикого белого гуся.

Пальба из ружей потрясла берега полярного острова. Стаи испуганных гусей, теряя пух и перья, взметнулись в небо. Тогда началось массовое разорение гнезд: отлавливание неразумных птенцов и погрузка на вездеходы десятков тысяч яиц. Любители гусиных шварок и огнедышащих омлетов не забыли ни близких родственников, ни добрых знакомых. Яйца в железных бочках и битые гуси в таре лихо развозились в разные концы острова. Несколько ящиков с остроумной маскировочной надписью «Промтовары» были отправлены на мыс Шмидта и в другие места Чукотки. А некоторые даже ушли дальним рейсом в Москву.

Так закончилась славная операция «Арктический гусь». С большим уроном для гусиного поголовья и без всяких последствий для ее участников.

И вот снова гулят обледеневшие провода: снова с предельной нагрузкой работают полярные радиостанции.

Весна не за горами. Браконьеры готовятся к новой экспедиции.

Г. ОСИПОВ



Рисунок Л. ФИЛИППОВА.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 01228.

Изд. № 17.

Подписано к печати 14/II 1961 г.

Формат бум. 70×108 1/4.

Тираж 1 550 000 экз. Заказ № 404. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

12

20 ФЕВ 1961

Всесоюзная
Книжная палата
контрол. экзempl.
1961 г.

= 6254 ж

Вместе с палачами-убийцами Патриса Лумумбы ответственность за этот злодейский акт несет генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд.

(Из газет).

Рисунок Бориса ЛЕО.

105



ОСКВЕРНИТЕЛЬ ЗНАМЕНИ.